

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2016.3.17>

UDC 94(470+571)“18/20”
LBC 63.3(2)–81

Submitted: 27.05.2016
Accepted: 27.05.2016

**“THE TIME OF THE HISTORIAN”: ON THE BOOK BY V. A. KITAEV
“SOCIAL THOUGHT AND HISTORICAL SCIENCE
IN RUSSIA IN 18-20TH CENTURIES (PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY)”
(NIZHNY NOVGOROD: IZD-VO NNGU, 2016. – 271 p.)**

Oleg V. Kuznetsov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The book of V.A. Kitaev includes reviews of monographs and textbook, collective publications, including encyclopedias, publications of sources, historiographical articles, some of which were published in leading scientific journals in 1980–2015, and some were published for the first time. This publication is not exactly a review to V.A. Kitaev’s book, but an attempt to provide the reader with reflections on some of the problems of public thoughts and historiography highlighted by the author: the features of the professional study of history, historiographical analysis as a genre of research, methodology and terminology in modern studies on the history of social thought and historical science, the ratio of professional approach and political convictions, attitude to scientific traditions, etc. The present paper highlights the highest scientific professionalism of V.A. Kitaev, his ability and willingness to be critical not only to other people’s research, but also to his own. Despite the well-known assertion that “we do not choose the times”, we can safely say that V.A. Kitaev consciously chose the “time of the historian” and found himself in this time.

Key words: history of Russian social thought, historical studies in Russia, methodology and methods of historical research, historical terminology, 18th century, 19th century, 20th century.

УДК 94(470+571)“18/20”
ББК 63.3(2)–81

Дата поступления статьи: 27.05.2016
Дата принятия статьи: 27.05.2016

**«ВРЕМЯ ИСТОРИКА»: О КНИГЕ В.А. КИТАЕВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В РОССИИ XVIII–XX ВВ.
(ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ)»
(НИЖНИЙ НОВГОРОД : ИЗД-ВО ННГУ, 2016. – 271 с.)**

Олег Викторович Кузнецов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Книга В.А. Китаева включает рецензии на монографии и учебник, коллективные издания, в том числе энциклопедии, публикации источников, историографические статьи, часть которых была опубликована в ведущих научных изданиях в 1980–2015 гг., часть увидела свет впервые. Данная публикация является не столько рецензией на книгу В.А. Китаева, сколько попыткой представить читателю *созрелые мысли* над некоторыми проблемами истории общественной мысли и историографии, поставленными ее автором.

Ключевые слова: история русской общественной мысли, историческая наука в России, методология и методы исторического исследования, терминология исторической науки, XVIII век, XIX век, XX век.

Менее всего хотелось бы рассматривать настоящие заметки как рецензию на книгу В.А. Китаева. Во-первых, потому что ее жанр (о чем чуть ниже) почти полностью исключает подобный подход. Во-вторых, смысловое наполнение книги таково, что требует, скорее, *соразмышлений* вместе с автором по поводу прочитанного и делает крайне неуместным формат рецензии с его обязательными кратким изложением содержания, перечислением достоинств и недостатков.

Слова «Время историка», вынесенные в название данной публикации, взяты из предисловия к книге В.А. Китаева. В нем содержатся серьезные размышления о некоторых особенностях профессионального занятия историей. По мысли В.А. Китаева, историк-профессионал живет и творит в трех взаимосвязанных «временных пластах», «временных измерениях», которые и составляют «время историка». Первое – «историческое время», то прошлое, исследованию которого посвящает себя историк. Второе – «историографическое время», то есть временная продолжительность изучения в науке проблем, интересующих нашего ученого. Третье – собственно «время историка», вмещающее в себя и первое, и второе: это время пребывания («темпоральная локализация») в профессии.

Это, третье время, нашедшее отражение в книге, является по-настоящему определяющим, прежде всего для самого историка. Ведь он творит не в безвоздушном пространстве, на него оказывают сильнейшее влияние политические, экономические, идеологические реалии. С момента своего возникновения история как наука была и остается инструментом внутренней и внешней политики. Данное обстоятельство накладывает на профессионального историка дополнительную ответственность за каждую созданную им работу, требует предельной научной добросовестности, должно удерживать от искушения фальсификацией в угоду конъюнктуре. При таком подходе «время историка» является одновременно и «бременем историка». Скажем прямо, не каждому по силам тяжесть этой ноши.

В предисловии автор определяет те формы, в которых происходит «самоопределение» историка в профессии. С одной стороны, это доведение до научной общественности результатов собственной творческой деятельности, «производство и презентация Своего», как определяет сам В.А. Китаев. С другой стороны, это отклики на научные публикации коллег, участие в обсуждении диссертаций, иными словами, «отношение к Другому, оценка Другого». В книге автор стремился представить только эту, вторую сторону своей профессиональной деятельности. Однако, к счастью, получилось гораздо больше. В «оценке Другого» у В.А. Китаева неизменно присутствует и «производство Своего». Ни одна рецензия, ни один отзыв не сводятся к ставшей уже привычной «триаде»: содержание работы – достоинства – недостатки. Они наполнены собственными взглядами на проблемы и собственными их оценками. Обратим внимание еще на один аспект, отчасти соединяющий в себе два названных выше и присутствующий в книге: критическая самооценка. Способность и готовность критически относиться не только к чужим, но и к собственным исследованиям, присущие В.А. Китаеву, добавляют объективности его позиции и повышают читательский интерес к работам ученого.

Основная часть книги представлена двумя разделами: «Общественная мысль в России XVIII–XX вв.», «Историческая наука в России XVIII–XX вв.». В них читатель найдет рецензии на монографии и учебник (М.В. Ковалева о русских историках-эмигрантах в Праге в 1920–1940 гг.; И.И. Колесник, посвященной историографической мысли в России в XVIII – начале XIX в.; В.В. Леонтовича по истории русского либерализма; Е.Л. Рудницкой о поисках русской мысли после 1825 г.; Н.И. Цимбаева об И.С. Аксакове; А.Л. Шапиро «Русская историография...»); две рецензии написаны в соавторстве с В.В. Ведерниковым), коллективные издания, включая энциклопедии (материалы конференции, посвященной 180-летию со дня рождения и 100-летию со дня кончины К.П. Победоносцева;

«Очерки русской культуры» конца XIX – начала XX века; энциклопедии по истории отечественной общественной мысли, истории российского либерализма, русского консерватизма, революционной мысли России), публикации источников (К.П. Победоносцев, А.Н. Пыпин, С.М. Соловьев), отзывы о докторских диссертациях (В.В. Боярченкова, О.И. Киянской, Г.В. Лобачевой, С.А. Мезина, В.И. Пороха, В.К. Романовского, Ф.А. Селезнева, Н.И. Цимбаева, К.И. Шнейдера; выделим здесь «географию» защит, оппонентом на которых был В.А. Китаев: Москва, Нижний Новгород, Саратов, Челябинск), историографические статьи (посвященные М.М. Карповичу, Р. Пайпсу, книге И.А. Христофорова о русском крестьянстве, государственной школе в русской историографии, историографическому анализу понятия «историческая мысль», изучению истории России XIX в. в Нижегородском (Горьковском) университете, публикациям по истории общественной мысли и общественного движения, появившимся в различных изданиях в годы перестройки).

Некоторые из включенных в книгу материалов были опубликованы в разные годы в ведущих научных изданиях, другие увидели свет впервые. Всего 32 публикации, самая ранняя из которых относится к 1980 г., последняя по времени датируется 2015 годом. Лишь один материал, по признанию В.А. Китаева, выбивается, на первый взгляд, из общего историографического контекста: статья об А.И. Солженицыне и А.Д. Шмемане. Впрочем, автор убедительно объясняет ее по существу историографический характер. В своем месте мы попытаемся дополнить аргументы В.А. Китаева в пользу включения в книгу этой статьи.

Чтобы избежать «опасности впасть в беглое, поверхностное реферирование», выражаясь словами автора книги, мы не станем анализировать каждую публикацию, а попробуем «схватить» главные вопросы, которые поставлены В.А. Китаевым и ответы на которые он ищет.

Книга В.А. Китаева, и об этом хотелось бы сказать прежде всего, – своеобразное и по-своему, не побоюсь этого определения, уникальное настольное пособие для тех, кто пожелает освоить один из самых сложных

профессиональных жанров – отзывы и рецензии (или усовершенствовать свое мастерство в данном жанре), то есть по существу овладеть *искусством* историографического анализа. Конечно, в книге нет советов, как следует писать, к примеру, отзыв о диссертации, рецензию на книгу или историографическую статью, каких ошибок следует избегать и т. п. Но каждой публикацией (содержанием, отражающим уровень осмысления проблемы и ее решение, стилем, лексикой) автор дает, как сейчас часто говорят, настоящий, высочайшего профессионального уровня мастер-класс.

Сквозными для книги являются проблемы методологии, методов исторического исследования, научной терминологии. Сам В.А. Китаев, судя по всему, не сожалеет об отказе от прежней марксистско-ленинской методологии, существенно ограничивавшей исследовательские возможности (см., например, с. 13, 37, 52). С полным основанием и хорошим знанием дела автор, авторитетнейший специалист в области общественной мысли, отмечает, в частности, что «марксистско-ленинская методология оказала плохую услугу советским исследователям истории русского либерализма, требуя от них демонстрации принципиальной враждебности объекту изучения» (с. 52).

Вместе с тем В.А. Китаева не может не тревожить то методологическое «распутье», на котором оказалась отечественная историческая наука начиная с 1990-х годов. Настоятельное требование методологической внятности, четкого понимания, что стоит за тем или иным термином, мы встречаем едва ли не в каждом втором отзыве о диссертации и в ряде рецензий, помещенных в книге. Вопросы: могут ли быть успешными попытки «деидеологизации макроистории»? «возможны ли на макроуровне конструктивные, не срывающиеся в постмодернистский нигилизм детеоретизация и деидеологизация?» (с. 157) для самого В.А. Китаева носят риторический характер и явно имеют отрицательный ответ. (Добавим: то же самое следует, видимо, отнести и к работам, выполненным на микроуровне.)

Сказанное отнюдь не означает, что В.А. Китаев предлагает заняться поиском

некой новой универсальной методологии, способной «поставить» исторические исследования на твердую теоретическую почву. Он сторонник, так сказать, методологического плюрализма, важным, принципиальным является для него «момент теоретико-методологического самоопределения» историка в каждом конкретном случае (с. 177).

Открытый для различного рода теоретических новаций, В.А. Китаев весьма скептически, похоже, относится к желанию некоторых, особенно молодых, исследователей сразу, что называется, «оптом», освоить все подобные новшества: «Вообще, как мне кажется, стремление разом откликнуться на все более или менее свежие теоретические предложения вряд ли может дать в итоге вполне сбалансированный авторский концепт» (с. 271).

Эта последняя мысль, о невозможности «сбалансированного авторского концепта» в случае погони за всеми теоретическими новшествами «разом», блестяще проиллюстрирована в книге на примере давно ставшей очевидной терминологической путаницы, которая сделалась общим местом (если не сказать бедой) в исследованиях по истории русской общественной мысли.

В рецензии на энциклопедию, посвященную российскому либерализму середины XVIII – начала XX века, В.А. Китаев отмечает бросающуюся в глаза разногласию в определении одних и тех же явлений. Так, один из авторов энциклопедии относит Б.Н. Чичерина к представителям «аутентичного» либерализма, другие авторы причисляют его к идейному течению «либеральный консерватизм». Славянофильство в разных статьях тома квалифицируется и как «консервативный либерализм», и как консервативная утопия, и как течение, не имеющее идеологической «прописки». Наконец умеренное западничество 1840-х гг. выступает, в одном случае, «несомненным воплощением беспримесного либерализма», в другом – «консервативным либерализмом» (с. 57). Трудно не согласиться с выводом В.А. Китаева, венчающим эти наблюдения: «За... противоречивостью в определениях идеологической сущности явлений общественной мысли и позиций политических деятелей специалист увидит дискуссионные

проблемы, просчеты редакционной коллегии, наконец, дефицит профессионализма у авторов отдельных статей. Неподготовленного же читателя эти издержки могут просто дезориентировать» (с. 57).

Не без самоиронии В.А. Китаев говорит о себе в отдельных случаях как об «архаисте, бегущем от новизны» (с. 150). В этих словах нет ни категорического отказа признавать и принимать современные веяния, ни доли научного кокетства ученого, прекрасно владеющего современной терминологией и ориентирующегося в различного рода теориях, сравнительно недавно освоенных отечественными историками (о чем, к примеру, свидетельствует дискуссия с автором одной из рецензируемых книг по поводу идей М. Хальбакса и П. Нора). Есть понимание того, как важно быть предельно корректным и аккуратным в употреблении понятий.

Трудно удержаться здесь от попутного замечания. Как можно понять из содержания книги, В.А. Китаева давно уже не смущают такие приведенные выше и утвердившиеся в научной литературе понятия, как «либеральный консерватизм», «консервативный либерализм». Автора этих строк названные понятия сильно смущают своей алогичностью. К тому же, как нам представляется, подобный терминологический оксюморон способен поставить некоторые явления общественной мысли с ног на голову. Так, в понятии «либеральный консерватизм» базовым является слово «консерватизм». Определение «либеральный» призвано показать особенности такого рода консерватизма. Тем самым Б.Н. Чичерин отличается от либерализма и зачисляется в круг пусть и либеральных, но консерваторов. А это уже спор не о терминах, а о смыслах. Напомним, кстати, что сам В.А. Китаев неоднократно и весьма доказательно выступал против отлучения Б.Н. Чичерина от либерализма (см., например: [1, с. 155–159]).

Периодическое обновление понятийного аппарата науки, по мере ее развития, неизбежно и необходимо, должно приветствоваться. Однако, сталкиваясь с некоторыми новыми терминами, хочется вернуться к их «старым добрым» аналогам. В рецензии на публикацию избранных трудов и записок С.М. Соловьева, напечатанной еще в 1985 г., сторонни-

ки лозунга «Либеральные меры и сильная власть» названы В.А. Китаевым выразителями «крайне умеренного либерализма» (с. 255). Так можно перевести с «новояза» терминологических «обновленцев» понятие «либеральный консерватизм».

Авторами немало числа работ, рецензируемых В.А. Китаевым, являются представители более молодого поколения. Поэтому в книге мы находим своеобразный диалог поколений. Не в обиду «молодежи» надо прямо признать: старшее поколение выглядит в этом диалоге куда более предпочтительно. Рецензии В.А. Китаева на перечисленные выше энциклопедии убеждают, что молодое поколение пока недостаточно готово к научному диалогу на самом высоком профессиональном уровне. Безусловно, у «молодежи» еще все впереди. Но, идя своим собственным путем, неплохо было бы иногда прислушиваться к мнению людей, более искушенных в профессии. В свое время В.А. Китаев обращал внимание одного из авторов издания «Общественная мысль России XVIII – начала XX века» на ошибочность характеристики А.И. Герцена как последовательного сторонника революционного насилия. Спустя несколько лет тот же автор (мы специально не называем здесь, как и ранее, имен, полагая, что важнее обозначить проблему, нежели искать ответ на один из извечных русских вопросов, вынесенных все тем же А.И. Герценом в название повести), не услышав или не захотев услышать посланного ему «сигнала», воспроизвел свою старую характеристику (с. 13, 87–88). Действительно, достаточно даже беглого взгляда на работы А.И. Герцена, к которым апеллирует В.А. Китаев, чтобы убедиться в принципиально ненасильственном, гуманистическом характере герценовского социализма.

Некоторые публикации («Историческая мысль» как понятие историографии), «Государственная школа в русской историографии: время переоценки?»), увидевшие свет еще в первой половине 1990-х гг., сегодня звучат особенно актуально. Иллюзии второй половины 1980-х – 1990-х гг. относительно того, что Запад, распахнув объятия, примет Россию, освобождающуюся от советского наследия, в свою цивилизационную семью, быстро рассеялись. Последующие годы ста-

ли, кажется, подтверждением одной из ключевых идей консервативной общественной мысли XIX столетия о различии исторических судеб и путей исторического развития России и Запада. Проблема национально-исторических особенностей развития России, всегда бывшая одной из главных в отечественной историографии, в последние годы приобрела и несомненную политическую злободневность. Обращение к национально-историческим традициям делает неизбежным возвращение к проблеме если не определяющей, то особой роли государства в русской истории. А отсюда и к проблеме взаимоотношений власти и общества. И в этой связи весьма своевременными, повторим, становятся размышления В.А. Китаева над феноменом исторической мысли, которая, по определению ученого, «является сферой осмысления национально-исторического опыта в свете актуальных проблем современного развития и одновременно областью подключения исторического опыта к решению насущных общественно-политических задач» (с. 229). И, добавим, очень важно, чтобы наша историческая мысль, в которой «воплощаются размышления людей о прошлом» (с. 228), всегда оставалась здоровой.

В этом контексте весьма уместно выглядит включение в книгу статьи о восприятии А.И. Солженицына А.Д. Шмеманом. Думается, объясняется это не только ее историографическим характером, о чем упоминалось выше. А.И. Солженицын, если позволительно так выразиться, «родом из шестидесятых», эпохи знаковой для В.А. Китаева, когда началось его становление как историка. Появилась возможность еще раз «прикоснуться» к времени, которое так много значило в «жизни и судьбе». Вместе с тем в полемике А.Д. Шмемана с А.И. Солженицыным своеобразно нашли отражение современные историософские и политико-идеологические споры, на которые, как думается, В.А. Китаев, хотел непременно обратить внимание своих читателей.

Со ссылкой на А.Д. Шмемана В.А. Китаев отмечает, что шестидесятник А.И. Солженицын был свободен, но «не *от* советской действительности, а *в* самой советской действительности» (с. 203). Осмелимся, опираясь на другую работу В.А. Китаева, провес-

ти некоторые параллели. Свобода А.И. Солженицына – особого рода, она отчасти сродни свободе Н.М. Карамзина. Это свобода внутренняя, не нуждающаяся ни в каких политико-правовых гарантиях. И этим она отличается от внешней свободы М.М. Сперанского, требовавшего ее конституционного закрепления (размышления В.А. Китаева об особенностях понимания свободы Н.М. Карамзиным и М.М. Сперанским см.: [2, с. 24, 39]). Свобода Н.М. Карамзина подталкивала к созданию консервативной утопии; свобода М.М. Сперанского «тянула» в другую сторону – к западной либеральной модели развития России.

А.Д. Шмеман видел эту консервативную составляющую мировоззрения А.И. Солженицына и не принял его «мечтательного русофильства, почвенничества», считая, что в них не было «ощущения реальности, отсутствовала положительная программа». По мнению А.Д. Шмемана, «России Солженицына, шедшего по стопам поздних славянофилов, Н.Я. Данилевского, евразийцев, “нет и никогда не было”, он ее “выдумывает”, “творит”» (с. 215).

Вот как, по В.А. Китаеву, выглядит итоговая «расстановка сил». С одной стороны – А.Д. Шмеман, считавший себя частью русского народа, но укорененный на Западе и как личность в значительной степени сформированный западной культурой, а потому апеллировавший к послепетровской России, хотя и признавший тупик, в который зашел европейский рационализм. С другой стороны – А.И. Солженицын, локалист-почвенник, идеализировавший допетровскую старину, старообрядчество и обличавший западную «ложь». Глубинный либерализм А.Д. Шмемана противостоял религиозно-нравственному императиву А.И. Солженицына – социального мыслителя (с. 221–222).

Если несколько огрубить, подобное размежевание и противостояние можно наблюдать и в современной профессиональной «исторической» среде. Ничего принципиально нового в этом, конечно, нет: если угодно, мы наблюдаем продолжение давнего спора запад-

ников и славянофилов. Но никогда еще за последние десятилетия этот спор, это противостояние не были столь обострены, как сегодня. (Словечко «нерукопожатный», распространенное и в научной среде, отражает не столько научные разногласия или неприятие, говоря мягко, способов и приемов ведения научной полемики, сколько доводящие до почти враждебного отношения друг к другу различия в политических взглядах и вытекающих отсюда оценках тех или иных общественно-политических событий.)

Читателю должно быть интересно: чья позиция – А.И. Солженицына или А.Д. Шмемана – ближе В.А. Китаеву? В статье нет прямого ответа на этот вопрос. Но его можно найти, прочитав книгу. Предлагаем сделать это. Будет поучительно и по-своему увлекательно.

Как сказал поэт, «времена не выбирают...». Бывают, по-видимому, исключения из этого правила. В.А. Китаев сам выбрал свое время – «время историка». И как историк-профессионал, ученый и педагог, убежден в этом, и как личность он обрел себя в этом времени. Их уже трудно представить друг без друга. Надеемся, что «время историка» оказалось в итоге сладостным, и уверены, что ноша была и остается по силам. Книга, о которой идет речь в настоящих заметках, – одно из лучших тому подтверждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Китаев, В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.) / В. А. Китаев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – 380 с.
2. Китаев, В. А. XIX век: пути русской мысли / В. А. Китаев. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. госун-та, 2008. – 355 с.

REFERENCES

1. Kitaev V.A. *Liberalnaya mysl v Rossii (1860–1880 gg.)* [Liberal Thought in Russia (1860–1880)]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2004. 380 p.
2. Kitaev V.A. *XIX vek: puti russkoy mysli* [19th Century: Ways of Russian Thought]. Nizhny Novgorod, Izd-vo Nizhegorod. gos. un-ta, 2008. 355 p.

Information About the Author

Oleg V. Kuznetsov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History of Russia, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, histrus@volsu.ru.

Информация об авторе

Олег Викторович Кузнецов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, histrus@volsu.ru.